

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ РУССКИХ ПРИКАМЬЯ*

А.В. Черных,
*доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Пермский филиал Института
истории и археологии УрО РАН*

В статье раскрывается комплекс представлений, связанных с особенностями восприятия времени в традиционной культуре русских Прикамья, анализируется структура временного отрезка, а также мифологические и обыденные особенности его восприятия. Традиционный календарь русских представлял многослойный комплекс часто разрозненных, противоречивых и взаимоисключающих элементов. Множественность критериев для оценки времени, активное взаимодействие церковного и народного календаря, книжной и устной традиции определили многообразие календарных представлений, гибкость календарной системы, которая в каждой конкретной ситуации прибегала к использованию наиболее подходящего компонента. Гибкость народного календаря, основанная на множественности критериев, возможность его приспособления к различным природно-климатическим, хозяйственным, социальным и другим особенностям явились одной из причин устойчивости представлений о времени у русских на всей территории проживания этноса.

Представления о времени – один из основных структурных компонентов традиционной картины мира [1]. Основой русского народного календаря в изучаемое время является церковный православный календарь, определяющий порядок и соподчиненность почти всех категорий времени. Влияние христианского календаря прослеживается почти во всех элементах системы счета времени. В то же время, как справедливо отмечают ис-

следователи, «содержательная сторона народного календаря, интерпретация праздников, периодов и сезонов, а также их ритуальное «оснащение», т.е. приуроченные к ним обряды, обычаи, запреты, предписания, в целом не выводимы из христианского учения и являются органическим компонентом народной традиции» [2].

Народные представления о времени складываются из нескольких комплексов:

* Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых «Этническая история и традиционная культура народов Урала в XVI – начале XXI в.» № МД-590.2009.6.

представлений о структуре разного рода хронологических отрезков (суток, дней недели, месяцев, года). Они теснейшим образом связаны с народной астрономи-

ей, воззрениями на природно-климатические явления, способами измерения и ориентации во времени.

СТРУКТУРА СУТОК

Народное восприятие суточного времени раскрывают как терминология и оценочные характеристики каждого периода, так и многочисленные поверья и запреты, связанные с той или иной частью суток. Одной из сложностей определения суточной структуры является многозначность в употреблении русского слова «день», которое известно в нескольких значениях: 1) день в значении суток; 2) день – световое время, противопоставленное ночи; 3) день – часть дня, собственно полдень, без утра и вечера. Термином «ночь» обозначалось время от заката до рассвета. В структуре суток дневное активное время противопоставлялось времени ночному, не связанному с активной жизнедеятельностью человека. В таком значении термина «день» – сутки представляет двучастную структуру день-ночь.

Противопоставление дня и ночи является элементарной и универсальной семантической моделью, с которой связан почти весь календарь и суточные отрезки времени [3]. Середина дня и ночи маркируются как время особого статуса – полночь и полдень. В структуре суток выделяется и два переходных периода – от дня к ночи и от ночи ко дню – утренняя и вечерняя заря. Дневное время как время активной жизнедеятельности, наиболее дробно. Каждая его часть имеет свои обозначения: утро – день (обед, полдень) – вечер. Если в качестве критерия осмысления временных промежутков использовать активную деятельность человека, то утро и вечер будут связываться с дневным временем.

Каждая часть суток имела особую семантику. Переходным периодом от ночи к дневному времени был небольшой промежуток времени до восхода солнца, символика которого раскрывается как начальная в суточном цикле. Этот отрезок

времени был наиболее сакрализован. Именно «до солнышка» исполнялись обряды, направленные на зачин новых дел, продуцирующей и лечебной магии: «Чтобы скот опять водился, в Вербное воскресенье бегали до солнышка за вербой. До солнышка все, за солнце-то нельзя» (Соликамский район, д. Лызиб); «Чтобы скот имелся, в Великий четверг до солнышка еще бегали за вереском в лес» (Соликамский район, д. Лызиб). Известно предписание переходить в новый дом до восхода солнца (Юсьвинский район, п. Майкор). С солярной символикой следует связывать и «первых петухов», также выступающих пограничной точкой начала дневного цикла: «В Великий четверг утром до петухов бегают, чтобы деньги были» (Куединский район, д. Пантелеевка). Начальной точкой отсчета времени дня, суток, активной деятельности могли быть и бытовые действия, совершаемые ранним утром: разжигание печи, «первого дыма», выгон коров. По первому дыму, например, кричали в трубу потерявшуюся скотину, лечили больного ребенка: «Если корова потерялась, печку затопишь, с первым дымком в чело кричи ее, или выйдешь на улицу и кричи ее по направлению дыма» (Красновишерский район, д. Н. Бычино).

Время раннего утра, рассвета, утренней зари также наделялось символикой переходности. На это указывают и некоторые примеры, в Верещагинском районе для обозначения этого времени использовался термин «синий свет», в противоположность «белому», дневному свету: «Еще синий свет, а мы уж на работу в поле идем» (Верещагинский район, д. Соколово). Переходность, неполное отношение ко дню показывает распространенный в Чайковском районе глагол «ободнят»: «Ободнят, когда росы не будет, дак и пойдешь. Теплее станет» (Чайковский

район, с. Фоки). На утренней заре совершалось множество лечебных заговоров [4], профилактических рекомендаций: «Ранним утром надо посещать цветущее поле – болеть не будешь» [5].

Середина дня – полдень – расценивалось как опасное время, что связывалось как с переломом суточного движения солнца, так и с представлениями об идентичности двух срединных точек дня (полдень) и ночи (полночь): «А ишо вот нельзя вот в баню ходить в двенадцать дня и двенадцать ночи» (г. Усолье). Полдень, как и полночь, выступают временем активизации нечистой силы, временем наиболее возможного контакта с потусторонним миром: «А в лесу это брат приблизил. Я иду, и сидит брат. А он уже как год в земле. И без бровей. А было двенадцать часов дня. Не переживать нельзя ни ночью, ни в двенадцать часов дня тоже нельзя переживать» (Красновишерский район, с. Губдор).

Вторая половина дня, вечер, противопоставлялась утру и первой половине дня. В это время обычно уже не начинали важных дел. «Негативность» суточного времени усиливалась к вечеру: «Деньги вечером не отдают и не занимают», «Вечером волосы не стригут – плохо расти будут» [6]. Вторая половина дня считалась и менее сакральной, что связано не только с представлениями о церковном дне (см. ниже), но и с противопоставлением второй половины дня первой. Почти повсеместно в Прикамье на вторую половину небольших праздников уже не распространялся запрет на работу.

Особо маркировалось время заката солнца, расценивавшееся однозначно негативно, что раскрывается в предписаниях, связанных с этим периодом: «Младенцу нельзя показывать закат солнца – может не выжить»; «На закате солнца нельзя спать и есть – болезнь напишь, нездоровье наживешь» [7]; «Когда солнышко садится, ребенок не спит, ревет, посинеет весь» (Гайнский район, д. Плесо). После заката солнца также запрещалось выполнение многих, не только ритуальных, но и бытовых действий: «Раньше если солнышко село – был закон, не хоронили. В

церкви оставят» (Большесосновский район, д. Чистопереволока); «После захода солнца ничего нельзя продавать. Нельзя и считать деньги – не поведутся»; «Нельзя дом мести после захода солнца – богатство отойдет от дома» [8].

К числу наиболее значимых временных локусов относится полночь. Именно полночь считалась наиболее опасным, «неурочным» временем. «В 12 часов самая страшная ночь. В 12 часов сам по себе озаряешься. Всяко место покажется» (Октябрьский район, с. Бияваш). В полночь границы между «этим» и «иным» миром становились условными. Считалось, что в это время активизировалась нечистая сила. Многочисленные былички со всей полнотой показывают именно эту особенность полночного времени, приведем лишь несколько иллюстраций: «В двенадцать часов ночи, если мельницу без присмотра оставишь, то русалка прыгнет и остановит ее...» (Куединский район, д. Узяр) [9]. Представления о полночи как времени появления мифологических персонажей являются достаточно типичными для славянской традиции [10].

Полночь – время активизации колдунов и ведьм: «Вещица намажется, в трубу на метле залазит и улетит. Старик шел куда-то. Пришел ночевать к одной бабе. А она в двенадцать часов намазалась сажеей, маслом и улетела в трубу. Мужик так же сделал и к ей прилетает. – «Ты откуда тут взялся?» Совецание колдунов там было. Лошадь ему дали: «Скачи, а то не успеешь». Это палка была, а ему лошадю показала. Скакал, скакал всю ночь на палке. Еще потом семь лет домой шел...» (Куединский район, д. Н. Тымбай). Для любых контактов с потусторонним миром полночь также избиралась как время наиболее благоприятное, время возможности проникновения в иной мир, получения сакрального знания. Полночь – неперемное условие, необходимое для посвящения в колдуны [11].

Полночь, как переходное время ночи, начало движения к утру, в лечебной практике часто связывается с переломом болезни: «Вот ночью че-то защемило – за-

болело. Поглядела – она еть, мне зараза, килу... поставила... Пошла на следущой день к Вавиловне. Три раз я к ней ходила. Первой раз она вином помазала, че-то пошептала – махом уснешь, говорит. На другой день – на йод, на третий – яичком мазала... Она потом говорит: «Седни в двенадцать часов ночи перелом у тебя будет». Вот ночью меня и загнуло» (Куединский район, с. Б. Кусты). Если потерялась корова, некоторые ритуальные действия также совершались в полночь: «Корова потерялась – надо в 12 часов ночи ее кричать на перекрестке» (Красновишерский район, д. Н. Бычино); «Если корова заблудилась в лесу и долго не возвращается, тогда пекут пирог из окуней. Их кладут головами в одну сторону, а затем в 12 часов ночи несут на кладбище. Пирог предварительно заворачивают в белую или красную тряпку» (Гайнский район) [12]. К полночи, как наиболее благоприятному времени для контактов с потусторонним миром, чаще всего приурочивались и святочные гадания.

Многие предписания призваны были оградить человека от контактов с потусторонним миром в полночное время. С полночью связывалось запреты на посещение бани: «До 12 часов в баню ходи, в 12 не ходи, в 12 запрещено, нехорошо» (Октябрьский район, с. Бияваш). «После 12 часов ночи нельзя мыться в бане, а то могут черти утащить» (Куединский район, с. Федоровск).

Полночь становилась той точкой в суточном круге, когда время как бы останавливалось: «В двенадцать часов корова мучается, в двенадцать часов ни женщина не рожает, ни корова не телится. Ребенок плачет, не можем успокоить, а в двенадцать часов ребенок сам успокаивается» (Октябрьский район, с. Бияваш). В полночное время запрещались действия с молоком: «После двенадцати часов ночи нельзя выносить ни молока, ни сметаны, ни масла, ни творога из избы – иначе корова больше не будет давать молока» (Очерский район).

Негативность полночного времени часто связывалась не только с двенадцатью часами, она распространялась на не-

сколько часов. «Глухой порой» считали время с двенадцати до двух часов ночи (Соликамский район, д. Ефремы). Таким мог быть и отрезок с двенадцати до часу ночи: «С двенадцати до часу не водятся дети, не рождаются» (Чердынский район, с. Пянтег). «Знатливые» также использовали именно этот временной промежуток: «У меня тетка была очень знатливая. Как только идешь в 12 часов ночи мимо ее избы, у нее из трубы вылетает огонь молнией. Потом, как только кончается два часа ночи, этот огонь обратно в трубу летит» [13]. «Глухая пора» часто объяснялась в христианском контексте: «У каждого человека есть свой ангел-хранитель. В 12 часов ангел-хранитель летит к господу Богу и докладывает про все дела. И потому с двенадцати до двух часов шибко нечистая сила на человека нападат» (Соликамский район, д. Половодово).

Кроме полдня и полуночи, опасными считались и другие временные локусы, определяемые информаторами как «плохое» время: «Время какое-то было, попадало. Время двенадцать часов страшное, время три часа страшное, время вечером может быть еще страшное. Часы такие. Попала она на такие часы и его прокляла, его унесло» (Добрянский район, д. Голубята). В Прикамье известны различные термины для обозначения такого времени – «дикая минута», «дикий час», «неурочный час», «неурочное время». В некоторых случаях они могут быть и не привязаны к конкретному часу или периоду суток: «Бывает дикая минута, и кто избранит скотину или человека, то все и получается, окаянники приходят, черти, домовые» (Ильинский район, с. Ильинское).

Кроме «мифологического» восприятия суточного времени, день крестьянина был регламентирован и состоял из периодов, отводимых для работы, отдыха, приема пищи. Обычным был трехразовый прием пищи, утром, в обед и вечером: «Утром обедали, потом паужна в обед, ужна – вечером» (Еловский район, д. Брюхово). В летнее время обычные трапезы дополнялись дополнительными – между завтраком и обедом и между обе-

дом и ужином, который чаще всего обозначался *паужной*, *пауженком*, *маленькой паужной**. Обедали в поле лишь до Семенова дня (14 сентября), считалось, что после этого световой день становится короток и можно было работать без обеда.

По-разному, в зависимости от сезона и хозяйственных работ, было и организовано трудовое время крестьянина. Почти все наши информаторы указывали на то, что летом вставали очень рано, «с солнышком»: «Заря занимается – давай вставай быстрее» (Куединский район, с. Ошья). Повсеместно в Прикамье для обозначения работы в один прием использовался термин *упов*, *уповод*. Во время страды уповодом чаще называли время между приемами пищи. Чаще всего в сутках считали два уповода: с утра до обеда и с обеда до вечера: «Я только один уповод седни проробила» (Соликамский район, с. Касиб); «С утра до обеда уповод прожала» (Соликамский район, д. Володино); «Вот с утра до обеда уповод, с обеда до вечера второй» (Куединский район, с. Ошья). В жаркое время работать начинали раньше обычного, а во время обеда

устраивали отдых, пережидая жару. В некоторых случаях, во время сенокоса, жатвы, работали в три уповода: «Утром вставали рано, без завтрака уходили на работу. «Упов повяжешь, или жнешь руками, серпом ли, а потом шли исть. Позавтракают и опять идут на работу. Потом пообедают и снова работают. Три упова в день делали» (Суксунский район, с. Ключи).

В зимнее время день был менее напряженным. Однако также было принято вставать рано: «Зимой вставали в четыре, в пять. Огни добывали, печь топили. А ложились в десять часов» (Суксунский район, с. Ключи). Особо выделяется в зимнем рабочем распорядке дня время вечерних сумерек, отводившихся для отдыха («сумерничать», «сумерки давить»): «В сумерки сумерничали. Баушки скажут: «Давайте посумерничаем!». Скотину уберем, огонь не зажигаешь. Ложимся на печь. Потом встаем, ужинаем» (Чайковский район, д. К. Ключ); «Как сказать-то, сперва сумерки давить, потом ужинать. Вот свечу или лампу не зажгут, полежат маленько» (Куединский район, д. Китрюм).

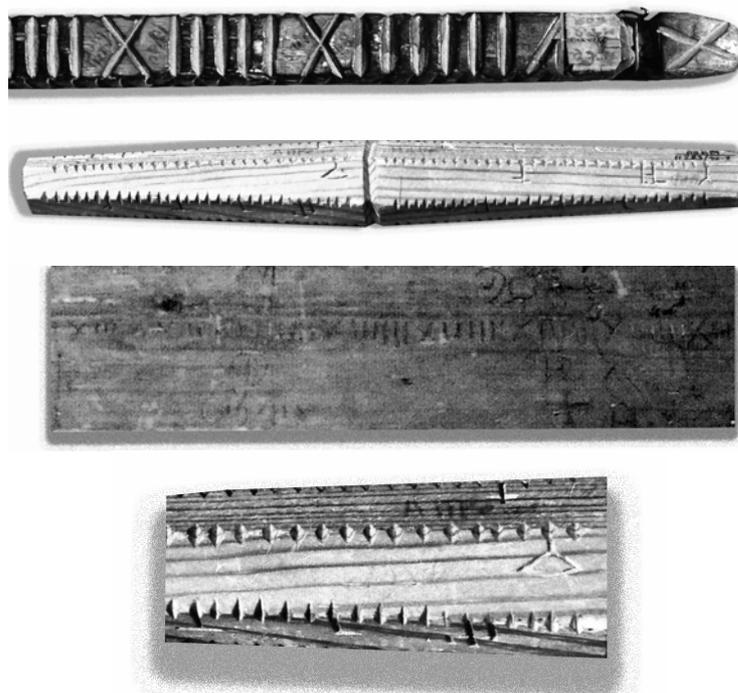
ДНИ НЕДЕЛИ

Значительное место в представлениях о времени занимали поверья, соотносимые с определенными днями недели. «Отрицательную» или «положительную» характеристику дня во многом раскрывают предписания и запреты, связанные с тем или иным днем недели. Как отмечают исследователи, в основе народной оценки, как правило, использовались универсальные семантические оппозиции: «первый-последний», «четный-нечетный», «мужской-женский», «постный-скромный» [14].

Оппозиция «постный день – скромный день» раскрывается в приметах о начале ледохода, первого грома, предписаниях выбора дня для первого выгона скота: «Если первый гром гремит в постный

день, корова будет давать меньше молока» (Чайковский район); «Первый гром в постный день – хороший лов рыбы, в молостный – прибыль молока от коров» (Соликамский район) [15] «Если река вскрыется в постный день – рыбы будет много» (Частинский район) [16]; «В постный день коров в поле первый раз не выпускают, надо в молостный» (Куединский район, д. Китрюм). Постные дни, прежде всего среда и пятница, считались наиболее благоприятными для посадки огородных культур: «В огороде старались садить в постный день, среду, пятницу» (Кишертский район, с. Посад). Большинство примет и поверий, основанных на противопоставлении «постный» – «скромный», связано с благоприятностью

* Термин *паужна* в говорах Прикамья используется в разных значениях: «Паужна – обед», а если дневной прием пищи назывался обедом, паужна – прием пищи между обедом и ужином.

Деревянные народные календари Пермского края из собрания Пермского краевого музея и Чердынского краеведческого музея

«постных» дней для постной пищи (с которой в народных представлениях связывается и рыба) и «отрицательностью» для «молосной», и наоборот. В то же время связь «постного» с «пустым» раскрывается в противоположных обрядовых предписаниях: «в постный день нельзя садить в огороде» (Кунгурский район). Постные дни, связанные также с маркировкой «женских», «нечетных» дней, считались тяжелыми днями: «Скотину в тяжелый день не выпускали. Во вторник, четверг или в субботу. Понедельник, среда, пятница – тяжелые дни» (Чердынский район, д. Б. Гадья). В эти дни старались не играть свадьбы: «Обычно свадьбы в субботу, воскресенье и понедельник делали, а пятницу как постный день считали, тяжелый» (Красновишерский район). Для сватовства также считались наиболее пригодными воскресенье, вторник, четверг, избегали постных дней – среды и пятницы (Юсьвинский район, п. Пожва).

Семантические ряды «четный-нечетный», «мужской-женский» раскрываются в выборе наиболее благоприятного времени для свадеб: «Свадьбы можно только в женский день играть, и обязательно в четное число, лучше в мясоед» (Лысьвен-

ский район, с. Кын). В некоторых случаях в предписаниях, связанных с тем или иным днем недели, обыгрывается звуковой облик названия, иногда – в ложной этимологии: «Нельзя мыть пол в пятницу, пол пятнами пойдет» (Карагайский район, д. Тухта) [17]. У часовенных старообрядцев Куединского района критерии противопоставления дней недели распространялись и на выбор дней для совершения поминальных обедов: поминки предписывалось проводить в «четные» дни: вторник, четверг и субботу.

Каждый день недели имеет и свою семантическую нагрузку, однако наличие нескольких критериев оценки является главной причиной амбивалентности представлений о почти всех днях недели, то есть с одних позиций день рассматривается как положительный, с других – как отрицательный. Понедельник в большинстве поверий раскрывается как неблагоприятный, тяжелый день: «Скот не выгоняли в понедельник – тяжелый день» (Куединский район, с. Б. Кусты). С другой стороны, положение понедельника в начале недели обусловило и его положительные характеристики: «чтобы свадьба была удачной, первую вечерку назначали

на понедельник» (Усольский район). Магию понедельника как начального дня раскрывают и некоторые другие приметы: «В понедельник деньги выдавать – всю неделю расходы»; «В понедельник чихнешь – на неделе будет подарок» (Усольский район, д. Поселье). Связь понедельника с «постными» днями недели прослеживается и в обычаях «понедельничанья» – соблюдения поста не только в среду и пятницу, но и в понедельник, широко распространенном в русских традициях Прикамья [18].

Вторник и четверг у русских Прикамья обычно носят схожую семантическую окраску: они воспринимаются как наиболее благоприятные дни, к которым чаще всего приурочивается начало какого-либо дела: первый выгон скота, начало сватовства. При этом четверг часто выступает как более легкий день, нежели вторник: «Если в четверг свататься – сговор будет» (Усольский район). Четверг как особый день недели часто обыгрывается в поговорках: «В похлебку-то семьдесят семь четвергов положила – капуста, картох, морковь, лук» (Соликамский район, д. Ушакова) [19]; «Уезжат на нидилю, а набирают с собой семьдесят семь четвергов» (Красновишерский район, с. Губдор) [20]; «Тамо Дуня есть, она бы им насакала четвергов с нидилю. Она сидит языком наигрывает, как гармоньей» (Соликамский район, д. Толстик) [21].

В такой же смысловой паре, как вторник и четверг, выступают среда и пятница: «В среду и пятницу нельзя топить баню, стирать и мыть полы, можно ослепнуть» (Суксунский район). Запреты на действия с водой, как символа женского начала в «женские» дни грозило символической смертью [22]. В среду и в пятницу старались не начинать новых дел. Почти повсеместно с этими днями связан запрет на первый выгон скота: «не выгоняли в среду и в пятницу». Время на среду и пятницу считалось сакральным: сны на среду и на пятницу считались вещими (Чернушинский район, с. Калиновка). Почитание среды в народной традиции часто связывалось с представлениями о Судном дне: «В среду придет нас судить. Среда

наш последний день» (Суксунский район, с. Ключи). Здесь очевидны отголоски представлений о срединном дне недели как моменте «остановки» времени.

Развернутые представления связывались с пятницей, к этому дню недели приурочивалось наибольшее количество запретов и представлений: в пятницу не топили баню, не мыли полы, считалось, что баню на пятницу топят только «для колдовства» (Чердынский район), что на пятницу «грех смеяться» (Ильинский район). Наиболее устойчивым и почти повсеместно распространенным у русских комплексом представлений, связанных с пятницей, являлись запреты и ограничения, касающиеся прядения и ткачества в этот день недели, соотносимые со святой Параскевой Пятницей [23]. В то же время в русских традициях Прикамья этот комплекс представлений в настоящее время уже не фиксируется. В конце XIX–XX вв. запреты на прядение связывались лишь с воскресеньем и праздничными днями: «В праздники, в воскресенье не пряли» (Суксунский район, д. Сызганка). Сюжет о запрете на прядение в пятницу сохранился лишь в песенном фольклоре: «В воскресенье я на ярмарку ходила, веретен я кудели купила... Эй, да в пятницу не прядут, не мотают...» (Ординский район, с. Опачевка).

Суббота в некоторых традициях русских Прикамья выступает наиболее благоприятным днем для начала любого дела: «Коров первый раз выгоняли из дома большинство в субботу, считается легким днем» (Куединский район, д. Краснояр); «Переезжать лучше в субботу» (Куединский район, д. Пантелеевка). Положение субботы перед воскресным днем и определило ее положительное осмысление, у многих народов наиболее благоприятными днями считались те, которые предшествовали выходному дню [24]. В то же время суббота выступала и неблагоприятным временем: «В субботу нельзя было венчаться» [25], начинать новое дело, что обусловлено как «женским» названием дня, так и приуроченностью к нему «женской» работы: «Суббота – бабья работа: полы моют и бани топят по субботам»

(Куединский район, д. Пантелеевка).

Воскресенье в народных представлениях противопоставляется будним дням недели, с ним, как и с праздничными днями, связывались трудовые запреты. При запретах на все виды работ, кроме неотложных, особо оговаривались некоторые виды деятельности: «В воскресенье самый тяжелый грех – стирать и топить баню» (Кунгурский район); «В воскресенье грех брать прялку в руки, кто-то из семьи может тяжело заболеть» (Соликамский район); «Нельзя в воскресенье стричь ногти – пальцы будут болеть» (Красновишерский район, с. Н. Язьва). Праздничность воскресенья в чреде будних дней наделяли его особой положительной семантикой. Воскресенье было благоприятным для переезда в новый дом, отправления в дорогу: «В новый дом старались переходить или в воскресенье или в большой праздник, чтобы был достаток»

(Суксунский район) [26]. С другой стороны, праздный, пустой, не наполненный деятельностью характер дня наделялся и «отрицательными» качествами. Воскресенье как один из основных, семантически главных дней недели, простирал свое влияние и на соседние, некоторые приметы и представления указывают на особое отношение к периоду с пятницы до понедельника: «С пятницы по воскресенье снятся вещие сны» (Гайнский район, Сейва); «Если в пятницу за покойников помолиться, они свет будут видеть до понедельника» (Куединский район, с. Б. Уса).

Таким образом, как показывают пермские материалы, общей оценки дня недели как положительного или отрицательного не существовало, оценка, запреты и предписания, связанные с днями недели, чаще всего зависели от конкретного контекста. Такие же особенности отмечают исследователи и в других регионах [27].

НЕДЕЛИ

Представления о годовом цикле предполагало осмысление недели как отдельной единицы хронологического отрезка. Однако в годовом цикле собственными названиями наделялись далеко не все недели, а лишь некоторые из них. Обращает на себя внимание, что наибольшее число «именных» недель связано с праздником Пасхи. От даты Пасхи происходил счет недель до Троицкого Заговенья и Петровского поста. Наиболее четко счет послепасхальных недель иллюстрируют сроки высаживания капустной рассады: «В девятую неделю от Пасхи надо капусту сажать, но не в парную: четвертую, шестую, восьмую от Пасхи» (Юрлинский район, д. Кукольная). Счет недель после Пасхи закрепился в названиях некоторых престольных и местнотимых праздников, приуроченных к периоду от Пасхи до Троицы, широко распространенных в Сылвенско-Иренском поречье: «**Пятое воскресенье** после Пасхи у нас был престольный праздник, с иконами ходили, ко крестику» (Уинский район, с. Уинск); «В **Седьмое воскресенье** у креста близ озера служили» (Ординский район, с. Медян-

ка); «**Десятое воскресенье** после Христова дня – престольный» (Суксунский район, д. Усть-Лог).

Кроме приведенных примеров, в Прикамье отмечены и другие хрононимы, названия которых связаны со счетом послепасхальных недель: **Шестое воскресенье, Восьмое воскресенье, Одиннадцатое воскресенье, Девята, Девята пятница**. Следует отметить, что «счетное» название праздника иногда перекрывало имевшееся собственное название. Так, местнотимый праздник д. Хутор Уинского района – Первое воскресенье – отмечался в Фомино воскресенье, через неделю после Пасхи, Седьмое воскресенье в с. Медянка Ординского района приходилось на Троицу. Счет недель идет с первой после Пасхи, а воскресенье является в этом случае завершающим днем недели.

В противоположность такому счету собственные названия недель обычно считались с предшествующего воскресенья: **Пасхальная**, или **Светлая** неделя после Пасхи, **Фомина, Фомина неделя** после Фомина воскресенья. Такая особенность счета и именования недель в цер-

ковном и народном календаре характерна в целом для славянской традиции [28]. Двойственность счета недели от праздника или после него проявилась в разночтении обозначений некоторых недель. Так, **Троицкой неделей** в разных традициях Прикамья называли как неделю до Троицы, так и после праздника: «Я в Троицкую неделю, до Троицы, никогда не сажу, только после Троицы» (Очерский район, с. Кулики); «После Троицы, в Троицкую неделю не робили, гуляли, на луга петь ходили» (Карагайский район, с. Нердва). Такая двойственность проявилась и в названиях дней, предшествующих, последующих празднику: Троицкой четверг (Семик), Троицкая суббота на неделе до Троицы и Троицкое Заговенье, Отданье Троицкое на неделе после Троицы. **Христовской / Крестовской неделей** (от одного из названий Пасхи – Христов день) в Куединском районе называли и неделю перед Пасхой: «Христовская неделя перед Пасхой» (Куединский район, д. Ключики), а в Юрлинском районе – Пасхальную неделю – «Как Радальница, на сковороде стряпашь, а на Крестовской неделе на сковороде не стряпашь» (Юрлинский район, д. Тимина). В Верещагинском районе особое название имела неделя перед Троицей – **Семиковая неделя**, считавшаяся поминальной и связанная с названием поминального дня (Семик): «На Семиковой неделе хоть в какой день поминай, она вся поминальная» (Верещагинский район, д. Чуды).

Счет недель до Пасхи связывался с началом Великого поста: семь недель поста часто имели порядковые названия. У чашовенных старообрядцев Куединского района молодежи разрешали не соблюдать все недели Великого поста: «Девки постовали на первой неделе. На второй нет, молочно ели, на третьей нет. Только на четвертой неделе постовали. На четвертой постовали. На пятой – нет. А на шестой и седьмой – да» (с. С. Шагирт).

Хотя в православной традиции все недели Великого поста имели собственные названия, в народной среде чаще всего особо выделялись лишь третья, **Крестопоклонная**, четвертая, срединная неделя

поста – **Средокрестная**, и последняя неделя – **Страстная**, или **Страшная**. Свои названия имели и две недели, предшествующие Великому посту: **Мясопустная**, **Мясокусная**, **Пестрая**, или **Пестряная** (Усольский район), **Закатошная** перед Масленицей и **Масляная**, **Сырная**, или **Сыропустная** неделя в Масленицу. В названии **Пестрая**, **Пестряная**, несомненно, отразился переходный характер времени, в том числе и наступающая смена сезонов, что подтверждается поверьями, связанными с изменением погоды в этот сезон: «погода пестрит». Название недели отразилось в запретах и обрядовой практике: «на Пеструю женишься, пестро и проживешь»; «Перед Масленицей едят редьку с мясом напололам через день: день постный, день молосный» (Усольский район) [29]. Название **Закатошная** неделя, известное в деревнях Куединского района, объяснялось тем, что в эти дни «закатывают Масленицу, катушки, лотки готовят» (Куединский район, д. Гора). Недели **Сыропустная** и **Мясопустная**, как и названия недель Великого поста, имеют прямые аналоги в церковном календаре.

В другие временные периоды в народном календаре русских Прикамья не наблюдается столь развернутой терминологии для обозначения недели. Среди хрононимов, обозначающих недели и бытовавших в Прикамье, следует отметить только **Рождественскую неделю**, **Ильинскую неделю**, **Покровскую неделю**, **Ивановскую неделю**, **Сдвиженскую неделю**. Под названиями недель в данном случае следует понимать не календарную неделю от понедельника до воскресенья, а лишь несколько смежных дней, как правило, предшествующих празднику, на которые распространяется «энергия» праздника, или святого, которому он посвящен [30]. В случае с Ильинской неделей такой характеристикой становится «грозность», характеризующая все «Ильинские» праздники, что подтверждает одно из названий недели до Ильина дня – **Грозная неделя** (Чердынский район, с. Кольчуг).

Особо выделялась также **Северная (Сиверная) неделя**. Этим термином обо-

значалась неделя с северным ветром, как календарно приуроченная: «В Сиверную неделю перед Вербным воскресеньем, если хоть один день посиверит, будет хороший год» (Суксунский район, с. Торговищи), так и не имевшая строгой приуроченности, например, одна из холодных недель августа: «В конце августа есть Северная неделя, ветер всегда студень делается» (Бардымский район, с. Печмень), связываемая в последнем случае не только с реальным, но и мифологическим наступлением осени и приближением зимы.

Таким образом, при строгой регламентации недельного времени в гражданском календаре (семь дней, от понедельника до воскресенья), народный счет, воспринявший особенности церковного календаря, более вариативен. С одной стороны, в недельном цикле наблюдается двойная система именования недель: ориентированная на следующее за неделей воскресенье и начинающая неделю с воскресенья [31]. Это ярко проявилось в бытовании в разных традициях одного и того же названия как для предшествующей, так и последующей недель праздников Пасхи и

Троицы. С другой стороны, в народной терминологии сохранялись и некоторые собственно народные обозначения недель, строго не приуроченных к календарным срокам, в этом случае под неделей понимался временной промежуток в несколько дней, предшествующий или последующий празднику.

Немногочисленность недельной терминологии, возможно, свидетельствует о второстепенности и вспомогательности данной системы счета в народном календаре, далеко не у всех народов исследователями зафиксированы собственные названия для отдельных недель [32]. В то же время недельный счет в русском календаре не был случаен. Как мы наблюдали, особый счет недель связан с Пасхой и отсчитываемых от нее праздников и календарных дат «не в числах». Видимо, в данном случае маркировка недель являлась дополнительным ориентиром в счете календарных дат до и после Пасхи. Отсутствием в другие периоды подвижных календарных праздников обусловлено и отсутствие развернутого недельного счета.

МЕСЯЦЫ

Счет времени по месяцам, хотя и был принят в гражданском и церковном календаре, в народной традиции не имел широкого распространения. В исчислении продолжительных промежутков времени чаще всего ориентировались на сроки православных праздников, период постов, сельскохозяйственных работ, природных явлений. При расспросах информаторов о времени рождения или времени важных событий можно было получить следующие ответы: «Я родилась в сенокос», «Меня мама на Пасхальной неделе родила», «Это было Святками». Именно второстепенность счета времени по месяцам в народной традиции в сравнении с гражданским и церковным календарем обусловила немногочисленность собственных названий месяцев у русских. Лишь некоторые из них имели народные названия.

Наиболее распространенным в Прика-

мье является хроним *Ильинский месяц*, реже встречаются названия *Ивановский месяц*, *Семеновский месяц*: «В Ивановский месяц веники готовят» (Очерский район, с. Кулики); «В Ильинский месяц дети часто болели» (Куединский район, д. Земплягаш). В данном случае названия месяца обусловлены одной из календарных дат: Ивановым, Ильиным или Семеновым днем.

Исследователями отмечается еще два бытовавших в Прикамье названия месяцев: *Ягодный месяц* и *Сенной месяц*: «Июль считается как ягодный месяц» (Карагайский район, с. Обвинск) [33]. В приведенных примерах в хронимах актуализируются природные, фенологические характеристики времени. Во всех случаях термином «месяц» обозначается не календарный месяц, соответствующий июлю, августу или сентябрю, а лишь определенный период времени, связанный, например, с теми или иными хозяйствен-

ными работами, важным праздником, например, с Ильиным днем в случае с Ильинским месяцем. Именно в таком отношении к названиям определенных месяцев прослеживается значительная вариативность периодов, на которые они приходятся: «Июль – Ильинский месяц, до Ильина дня. В этот месяц дети чаще боле-

ли. Тогда врачей ведь не было» (Куединский район, д. Пильва); «В Ильинской месяц, в август-то, ягода всяка поспевают» (Соликамский район, д. Осокино) [34]. Обращает на себя внимание временная приуроченность названий месяцев к летнему периоду, наиболее активному в жизни человека и природы.

ГОДЫ

Особо отмечаемые в народной терминологии отдельные годы свои названия, как правило, получали при наличии каких-либо повторяющихся через несколько лет признаков. Особенно «негативными» качествами наделяется *високосный год, високос, Касьянов год, грешный год*.

В Прикамье, как и в других регионах России, бытовала легенда о почитании святых Касьяна и Николая, объясняющая происхождение Касьянова дня, повторяющегося раз в четыре года: «Касьяна с Николой Бог к себе позвал. Поехали они на телеге, и по дороге ось сломалась. Вытаскивать надо было. Касьян и говорит: «Риза у меня белая, чистая, боюсь испачкать в прахе грязном и грязным перед Богом предстать». – «Ладно, – сказал Никола, – полез под телегу и исправил ее. Пришли, значит, они к Богу. Бог-то и сказал им: «Побоялся Касьян ризы свои запачкать, а душу замарал. А у Николы ризы хоть и грязные, зато душа чистая осталась. И теперь Николу в один год два раза чувствовать будут, а тебя в четыре года раз. Никола чудотворец милостивой, поэтому его и чтут» (Верещагинский район, с. Сепыч). Для Прикамья, как и для всей восточнославянской традиции [35], было характерно негативное восприятие Святого Касьяна: «на что взглянет, то повянет» (Октябрьский район, с. Богородское). Касьянов день считался одним из самых неблагоприятных дней в году: «Некоторые в этот день рано по утру, до солнца, не выходят, считают несчастным днем» [36]. В то же время негативность Касьянова дня обусловлена его положением в переходный период от зимы к весне, наделенный символикой «плохого» времени [37]. Неблагоприятный Касьянов день, отмечавшийся раз в четыре года, отличал

обычный год от високосного и проецировал свою негативность на весь этот год.

На високосный год распространялись запреты на выполнение определенных действий: «В високосный год в новый дом не переходят и не женятся» (Куединский район, п. Куеда); «В високосный год не начинали строить новый дом» (Чердынский район, с. Покча). Как видим, запреты, распространяющиеся на Високос, преимущественно связаны с началом значимого дела и в некоторых смыслах соответствуют запретам начинать какую-либо работу в неблагоприятные дни недели. «Неблагоприятность» года в народной традиции связывается с «сердитостью» святого, недобрый взглядом: «Говорят, на кого Касьян взглянет, то плохо и будет» (Пермский район, с. Курашим). «Взгляд» святого мог распространяться как на весь високосный год, так и лишь на определенный его период: «На осень нонче Касьян поглядел» (Чердынский район, д. Б. Долды). «Неблагоприятность» Касьяна могла распространяться и лишь на то, на что он «взглянул» в этом году: «Сегоды високос, дак видно он на людей глянул, вот и умирают» (Добрянский район, д. Софронята); «Говорят, что если Касьян взглянет на кого, если на скотину взглянет, то значит, скотине плохо будет, а если на людей, то значит люди будут умирать» (Пермский район, с. Курашим).

Известны и другие хрононимы для обозначения отдельных лет, как правило, неблагоприятных: холодное лето – *зяблой год*, тяжелый год, вызывающий гибель – *неживой год, глухой год*. «Ниче же не поспевают, зяблой же год-от нонче» (Соликамский район, д. В. Мошево); «Двадцать первой год был неживой год –

шибко умирали люди» (Карагайский район, д. Терехино); «Были тогда глухие го-

ды» (Карагайский район, с. Посад).

Рассмотренные нами представления о структуре суточного и годового времени, системе его счета показывают сложность и многообразие народного календаря русских. Складываясь на протяжении длительного исторического периода, он впитал в себя не только разновременные напластования, но и в конце XIX – первой половине XX в. основывался на разнообразных системах счета времени. Народный календарь, учитывавший солнечный и лунный, хозяйственный и фенологический, церковный и гражданский, в свою очередь, основанные на юлианском и григорианском календарях, представлял многослойный комплекс часто разрозненных, противоречивых и взаимоисключающих элементов. Исходя из этого сложно говорить о стройной схеме представлений о времени, она очень вариативна не только в локальных традициях, но и в рамках одной традиции при использовании разных точек отсчета, разных мифологических статусов одного и того же периода времени.

С другой стороны, множественность критериев для оценки времени, активное взаимодействие церковного и народного календаря, книжной и устной традиции, значительная вариативность явились одними из факторов многообразия календарных представлений, гибкости календарной системы, которая в каждой конкретной ситуации прибегала к использованию наиболее подходящего компонента. Таким образом, использование различных систем счета вносило еще большее разнообразие в праздничный календарь и структуру суточного и годового времени за счет варьирования как в раз-

ных традициях, так и в случаях отдельных праздников. Гибкость народного календаря, основанная на множественности критериев, возможность его приспособления к различным природно-климатическим, хозяйственным, социальным и другим особенностям явились не только одной из причин устойчивости представлений о времени у русских на всей территории проживания этноса, но и того значительного влияния, которое оказала русская календарная традиция на соседние народы.

Одной из особенностей народной системы счета времени и представлений о нем, являлось активное использование православной системы счета времени; устную народную календарную традицию невозможно рассматривать в отрыве от традиции церковного времяисчисления, без учета активного взаимодействия устной и книжной культуры, значительного влияния семантики церковного календаря на всю систему представлений русских о времени.

Сложность и многообразие представлений и форм народного календаря характеризует каждую региональную и локальную традицию. В то же время система народного календаря как базовый элемент культуры, имеющая длительную историческую традицию, характеризуется общностью основных представлений всего народа и родственных народов. Региональные и локальные особенности в первую очередь проявляются лишь в некоторых вариантах и деталях. Именно в этом контексте следует рассматривать систему представлений о времени русских Пермского Прикамья.

Библиографический список

1. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984; Толстая С.М. Полесский народный календарь. – М., – 2005. С. 9.
2. Толстая С.М. Указ. соч. – С. 9–10.
3. Мифы народов мира. – М., 2000. – С. 613.
4. Молитвы и заклинания: В Круге жизни / сост. К.Э. Шумов / Пермь, 1997. – С. 110.
5. Сны, приметы, загадки, поговорки / сост. И.А. Подюков / Пермь, 1994. – С. 28.
6. Там же. С. 34.

7. Там же. С. 31, 34.
8. Там же. С. 28, 34.
9. Куединские былички: мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX – XX вв. / сост. *А.В. Черных* / Пермь, 2004. – С. 21.
10. *Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. – М., 2000. – С. 43.
11. Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. *К.Э. Шумов* / Пермь, 1991. – С. 282–284.
12. Деревня Монастырь на Каме-реке: сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по Гайнскому району (сост. *И.А. Подюков*). – Пермь, 2003. – С. 23.
13. Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. *К.Э. Шумов* / Пермь, 1991. – С. 278–279.
14. *Толстая С.М.* Указ. соч. – С. 534.
15. *Панаев Ф.Н.* Сборник пословиц, поговорок, загадок, песен и былин, собранных в Соликамском уезде // Зап. УОЛЕ, 1883. – Т. 7. – Вып. 3. – С. 114–139.
16. АРГО. XXIX: 31
17. *Подюков И.А.* Карагайская сторона: народные традиции в обрядности, фольклоре и языке. – Кудымкар, 2004. – С. 66.
18. *Чагин Г.Н.* Православие в истории и культуре Соликамска в XVII – начале XX в. // Вестник Пермского государственного университета: История. – Вып. 3. – Пермь, 2002. – С. 137–147.
19. *Прокошева К.Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. – Пермь, 2002. – С. 329.
20. Там же. С. 329.
21. Там же. С. 329.
22. *Подюков И.А.* Круговорот жизни: народный календарь Прикамья. – Пермь, 2001. – С. 23.
23. *Толстая С.М.* Указ. соч. – С. 536; *Криничная Н.А.* Нить жизни: реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. – Петрозаводск, 1995. – С. 7–8.
24. *Миннихметова Т.Г.* Календарные обряды закамских удмуртов. – Ижевск, 2000. – С. 94; *Попова Е.В.* Календарные обряды бесермян. – Ижевск, 2004. – С. 40–41.
25. Сны, приметы, загадки, поговорки / сост. *И.А. Подюков* / Пермь, 1994. – С. 30.
26. *Подюков И.А.* Круговорот жизни: народный календарь Прикамья. – Пермь. 2001. – С. 12.
27. *Толстая С.М.* К соотношению христианского и народного календаря у славян: счет и оценка недели // Языки культуры и проблемы переводимости. – М., 1987. – С. 154–168; *Фурсова Е.Ф.* Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – первая треть XX вв.) – Новосибирск, 2003. Ч.2. Обычаи и обряды весенне-летнего периода. – С. 166–167.
28. *Толстая С.М.* Указ. соч. – С. 524–529.
29. *Черных А.В., Подюков И.А.* Масленица в Прикамье: (конец XIX – первая половина XX в.). – Пермь, 2004. – С. 5.
30. *Подюков И.А.* Круговорот жизни: народный календарь Прикамья. – Пермь. 2001. – С. 11.
31. *Толстая С.М.* Указ. соч. *Подюков И.А.* Круговорот жизни: народный календарь Прикамья. – Пермь. 2001. – С. 528.
32. *Попова Е.В.* Указ. соч.; *Подюков И.А.* Круговорот жизни: народный календарь Прикамья. – Пермь. 2001. – С. 39–41; *Миннихметова Т.Г.* Указ. соч. – С. 90–94.
33. *Подюков И.А.* Круговорот жизни: народный календарь Прикамья. – Пермь. 2001. – С. 12.
34. *Прокошева К.Н.* Указ. соч. – С. 217.
35. *Чичеров В.И.* Из истории народных поверий и обрядов («Нечистая сила и Касьян») // Труды отдела древнерусской литературы. – Л., 1958. т.14. С. 529–534; *Славянские древности: Этнолингвистический словарь.* – М., 1999. Т.II. Д-К (Крошки). С. 475–477.
36. *Скалозубов Н.Л.* Народный календарь. Праздники, дни святых, особо чтимых народом, поверья, приметы о погоде, обычаи и сроки сельскохозяйственных работ // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. – Пермь, 1893. Вып. 5. – С. 14.
37. *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря: Весенне-летний цикл. – М., 2002. – С. 41–42.